

Иэн МакКей и Joseph Kay

Дебаты о кооперативах

Оглавление

Иэн МакКей. Бэйлауты или кооперативы?	3
Joseph K. Кооперативы или конфликты?	6
Иэн МакКей. Кооперативы и конфликты!	9
Joseph K. Кооперативы, конфликты и демагогия	13

Иэн МакКей. Бэйлауты или кооперативы?

Так как капитализм (снова) вступил в кризис, то правящая верхушка решила прибегнуть к практике бэйлаутов (финансовой помощи проблемным предприятиям) в отношении финансового сектора, а также некоторых других отраслей экономики. Есть множество причин, по которым нам следовало выступить против подобной практики, но самое важно для нас это то, что бэйлауты повредят в первую очередь нам, рабочим. Поэтому, как мне представляется, анархистам важно выдвинуть некоторые практические предложения, что же нужно делать, за исключением, конечно стандартных призывов к революции.

По-моему, лучше не спасать компании бэйлаутами, а превращать их в кооперативы. Это либертарная альтернатива простому дарению денег капиталистам и национализации рабочих мест.

Еще в 1848ом году Прудон писал, что он

«не желал бы видеть, как государство конфискует шахты, каналы и железные дороги, это только на руку монархии и наемному рабству. Мы хотим, чтобы шахты, каналы, дороги перешли под контроль демократически организованных рабочих ассоциаций».

В своей классической работе «Всеобщая идея Революции» он выдвигал схожие предложения, что оказало влияние на Коммунаров, которые превращали опустевшие рабочие места в кооперативы.

В 1912 Кропоткин также утверждал нечто схожее. Он отмечает, что *«шаги государства, которые нам придется претерпевать, похоже, неизбежны»*. Однако, помогая «профсоюзам вступить во временное владение промышленными концернами», анархисты предоставляют *«хорошее средство проконтролировать государственную национализацию»*. Таким образом, существует даже некоторая традиция требования кооперативов.

На это, конечно, могут возразить, что это никакой не социализм, а всего лишь «рабочий капитализм».

Да, это не социализм — но такая система содержала бы в себе больше элементов социализма, чем при альтернативах бэйлаута или национализации. Это предложение, которые может быть применимо здесь и сейчас, когда до революции еще далеко. Если мы будем придерживаться позиции революционного пуризма, то на нас так никто и не обратит внимания, и если вдруг начнется бунт, то наше влияние будет меньшим, чем если бы мы отвечали на социальные проблемы сегодняшнего дня.

Такая деятельность, если заниматься ею правильно, сможет приблизить нас к нашей непосредственной цели — либертарному социальному движению, которое применяет прямое действие и солидарность, чтобы изменить общество к лучшему.

Что вообще означает эта фраза: «рабочий капитализм»? Она только все запутывает. Если рабочие владеют и контролируют средства производства, то это уже никакой не капитализм. Уместно будет процитировать Энгельса на этот счет:

«предмет производства — создание товаров — не придает орудиям труда качеств капитала,.. ибо производство товаров — это лишь предпосылка существования капитала»; если производитель продает только то, что сам производит, он не является капиталистом; он становится таковым только с того момента, как он начинает использовать свои средства производства, чтобы эксплуатировать наемный труд других людей».

Так что рабочие ассоциации не могут быть капиталистическими, как об этом ясно говорил и Маркс.

В этом заключается прудоновское разграничение собственности от владения. Рабочие ассоциации — это сердце прудоновского анархизма, он видел в них *«протест против системы наемного труда»* и *«отрицание господства буржуазии»*. Если эти ассоциации будут оставаться демократическими (т.е. все, кто работают, будут членами ассоциации), то переход собственности под контроль ассоциаций и будет являться социализацией средств производства жизненных условий (даже и в условиях капитализма). Ключ к пониманию сути социализации — это всегда помнить, что это в первую очередь вопрос доступа, обеспечения равных прав на средства к существованию.

Прудон предполагал, что *«каждый индивид, работающий в ассоциации, будет иметь неделимую долю в собственности компании»*, обладать *«правом работать в любой должности на любом уровне, в соответствии со своим полом, возрастом, навыками и стажем»*, и *«все должности будут выборными, а устав ассоциации должен утверждаться всеми его членами»*. Бакунин и Кропоткин также поддерживали создание кооперативов, хотя они и осознавали их ограниченность.

Таким должен быть наш ответ на любые предложения бэйлаутов: превратить компании в кооперативы, поставить их под контроль рабочих, все новые работники автоматически должны становится полноправными членами кооператива.

Конечно, никакое правительство не согласится с подобной социализацией предприятий. Если не будет давления снизу, они будут прибегать к бэйлаутам и национализациями, чтобы сохранить капитализм. Если правительство не соглашается с планами создания кооператива, то люди должны сами социализировать свои рабочие места, захватывая и управляя ими непосредственно. И это касается не только фирм, требующих бэйлаут. Все рабочие места, которые находятся под угрозой закрытия, должны захватываться. И это подвигнет других рабочих делать тоже самое.

Поддержка кооперативов — это практический ответ на сложившуюся си-

туацию; она позволить распространить анархистский месседж, и привлечь людей к борьбе за свои права. По крайней мере, это как-то поможет людям, пострадавшим от кризиса, и вместе с тем покажет, что иной мир возможен. И уж крайне сомнительно, что люди, которые рискуют остаться без работы и жилья из-за решений, наломают больше дров, чем их начальники, которые и привели экономику к кризису.

Но это лишь краткосрочное либертарное решение на время кризиса, решение, которое можно использовать, чтобы создать нечто лучшее. Капитализм терпит крах. Пришло время дать шанс экономической свободе!

Iain McKay, опубликовано в газете Freedom. январь 2009г

Joseph K. Кооперативы или конфликты?

Национализация долгое время была основным требованием левых, и сегодня, когда беспрецедентная национализация банковской системы никак не приблизила нас к социализму, подтверждается старый тезис анархистов, что государственный контроль не может ничего дать рабочему классу. Вместе с тем, это создает возможность продвижения анархистских идей не как критики левых, но как самостоятельного предложения. Вместо требования национализации проблемных предприятий, многие теперь выдвигают требование рабочего контроля. Но это требование не менее проблематично, по двум причинам.

Во-первых, что немаловажно, мы не в состоянии что-либо требовать. Будучи крайним меньшинством класса, наши “требования” — не более чем беспомощные крики. Национализация банков осуществлялась не потому, что парламентарии вняли призывам различных троцкистских групп, а потому что существовала материальная необходимость предотвратить крах банковской системы и последующий экономический крах, падение прибылей и возможные социальные волнения.

Единственный способ сделать наши требования необходимостью для капитала — это подкрепить их классовым движением, способным навязать их капиталу. Требовать того или иного при отсутствии такой силы класса значит забегать вперед дела; сейчас есть более неотложные задачи. Мы вернемся к этому чуть позже.

Вторая проблема находится на более глубоком уровне. Хотя многие понимают, что рабочий контроль в условиях капитализма — это просто самоуправляемая эксплуатация, это требование все еще выдвигается как своего рода промежуточное, “реалистичное” требование для неревolutionного времени. Однако, как и национализация, рабочий контроль — это не требование, основанное на наших конкретных материальных потребностях, но на том, *как следует управлять капиталом*.

Капиталом нельзя управлять в наших интересах, так что нет смысла и пытаться. Вместо этого нужно выдвигать конкретные материальные требования: против увольнений, снижений зарплат, сокращения социальных услуг и выселений; и, забегая вперед, — за повышение зарплаты, снижение рабочего дня без потери в зарплате, улучшение социальных услуг и т.д.

Самоуправляемая эксплуатация — это не просто удачный оборот речи, это указание на то, *как капитал управляет общественной жизнью*. Он делает это как *вертикально*, через начальство, так и *горизонтально*, посредством рыночных сил. Многие анархисты фокусируют внимание в основном на вертикальном устройстве иерархии на рабочем месте, и поэтому рассматривают рабочий контроль как ступеньку на пути к либертарному коммунизму.

Однако, это не ступень, а тупик. Например, я работаю в сфере финансовых услуг. Как и ожидалось, из-за финансового кризиса нам пришлось потуже затянуть пояса. Часть людей сократили, а тех, кому «посчастливилось» остаться, вынуждают работать больше и усерднее, чтобы компенсировать нехватку людей. Если бы мы превратили нашу организацию в кооператив, то те рыночные силы, что заставили моего босса устроить сокращения, все также бы существовали, но нам бы уже некого было винить, когда нам пришлось бы поднять норму эксплуатации, чтобы выжить во враждебной рыночной среде.

Конечно, мы могли бы уменьшить сокращения или увеличить зарплату, используя бывший доход директора. Но если фирма имеет ресурсы для этого, а уровень классовой борьбы так высок, что мы можем экспроприировать хозяев и создать кооператив, мы должны просто требовать *конкретные материальные вещи, которые мы хотим* — в данном случае, гарантию занятости и улучшение условий труда, — а не выдвигать требования касательно того, *как следует управлять капиталом*, чтобы удовлетворить наши реальные потребности.

Успех в образовании кооператива — это успех в замене одной формы отчуждения на другую — пролетарской на мелкобуржуазную. Есть важный момент, почему рабочий класс может стать революционным классом, а мелкие предприниматели — нет, — это классовый антагонизм. Когда капитал в лице работодателя насаждает рабочим свои требования, рабочие могут сопротивляться. Потребности рабочих находятся в прямом противоречии с потребностями капиталистического накопления.

Однако если мы становимся своими собственными начальниками, нам уже некому что-то возразить, наоборот, мы сами должны продвигать требования капитала. Классовая борьба, а с ней и потенциал революционных изменений, сорвана. Цель создается из средств; некоторые средства приближают нас к цели, другие же — отдаляют ее и, в конечном счете, убивают ее возможность.

Так какой тогда должен быть либертарно-коммунистический ответ на кризис? Коммунистические требования — это конкретные, материальные требования, отражающие наши потребности как рабочих. Чтобы иметь возможность осуществить эти требования, нам нужно иметь достаточный уровень силы и решимости рабочего класса, чего сейчас как раз и не хватает. Следовательно, нашу активность следует направить на развитие решимости, силы и боевого духа класса.

Рабочий бюллетень “Tea Break” — один из таких проектов, он агитирует за либертарно-коммунистическую тактику достижения конкретных материальных требований. Это тактика коллективных действий, сетевых и «реальных» сообществ боевых работников, массовых собраний, включающих всех рабочих, независимо от членства в профсоюзе (исключая менеджеров и штрейкбрехеров, конечно же), как способа управления борьбой и налаживания связей между рабочими, разделенными по месту работы, отрасли, профсоюзу, между постоянными и временными работниками и множеством других разделений,

имеющихся в настоящее время (национальность, гендер и т.д.).

Как конкретный проект, направленный на распространение либертарно-коммунистической тактики требований и развитие решительности и силы класса, он делает, по крайней мере, небольшой, но твердый шаг в правильном направлении.

Joseph Kay, опубликовано в газете Freedom. январь 2009г.

Иэн МакКей. Кооперативы и конфликты!

Я не уверен, прочитал ли Джозеф Кей («Кооперативы или конфликты?») мою статью о кооперативах, перед тем как написать свою. Вероятнее всего, нет, так как она выглядит как стандартная статья об отношении либертарных коммунистов к кооперативам в рамках капитализма.

Я надеялся, что моя статья («Бэйлауты или кооперативы?») дала ясно понять, что я выступаю за кооперативы как краткосрочное решение для рабочих, сталкивающихся с сокращением штатов, и для тех, чьи работодатели хотят получить бэйлаут [государственную финансовую помощь проблемным предприятиям]. Я не касался темы так называемой «самоуправляемой эксплуатации», просто потому что это другой вопрос, касающийся кооперативов в рамках капитализма и будущего либертарного общества. Моя изначальная статья была призывом к действию, кроме того, я пытался объяснить, почему кооперативы — это действительная **социалистическая** альтернатива бэйлаутам и национализации в рамках нынешнего кризиса.

Во-первых, нужно действительно отметить несколько противоречий в аргументации Кея. Он заявляет, что мы «не в состоянии что-либо требовать. Будучи крайним меньшинством класса, наши 'требования' — не более чем беспомощные крики». Тем не менее, без всякой иронии, он предлагает выдвигать различные «коммунистические требования», с которыми нам следует выступать! Каково это? Мы не в силах что-либо требовать или мы все-таки можем выдвигать требования? Скорее всего, имеется ввиду второе, так как он критикует конкретно именно требование кооперативов.

Кей утверждает, что «коммунистические требования — это конкретные, материальные требования, отражающие наши потребности как рабочих». По-видимому, избегание безработицы не отражение наших потребностей как рабочих. Он серьезно полагает, что рабочие, сталкивающиеся с закрытием их рабочих мест, должны просто забрать свои документы в отделе кадров и направиться напрямиком на биржу труда? Что задача анархистов — не только **не** предлагать захватов, но и **препятствовать** им, как «мелкобуржуазным» действиям? Или что мы должны оставаться безразличными, когда общественные (наши!) деньги используются для спасения уродов, втянувших нас в этот кризис?

Довольно забавно, но он оглашает список «конкретных материальных требований», которые мы должны «выдвигать» (забыв про то, что «мы не в состоянии что-либо требовать»), а именно «против увольнений, снижений зарплат, сокращения социальных услуг и выселений». Никаких выселений? Типа, когда работодатели закрывают рабочие места и выселяют оттуда рабочих? И как мы можем это обеспечить? Наверно, путем захвата? И что же тогда захватчики смогут противопоставить последующим «урезаниям зарплат» (я сомневаюсь,

что хозяева вообще будут что-то платить им)? Наверно, путем возобновления производства под своим контролем? Разве не должны тогда анархисты выступать за захват предприятия, как пример *«конкретного материального требования»*?

И это ключевой момент. Я нигде не говорил, что поддержка кооперативов — это единственная возможная тактика в кризисные времена. Стоит ли мне указывать, что создание кооперативов означает *«коллективное действие»* и *«массовые собрания»*? Стоит ли мне указывать, что это форма прямого действия? Таким образом, речь идет и о конфликтах и о кооперативах **одновременно**.

Кей утверждает, что кооперативы не имеют значения, пока они не *«подкреплены классовым движением, способным навязать их капиталу. Требовать того или иного при отсутствии такой силы класса значит забегать вперед дела; сейчас есть более неотложные задачи»*. Но выдвигание требования превращения фирмы, запрашивающей государственную помощь, в кооператив как раз и может послужить средством формирования этого движения (крайне слабого сегодня). Предложение либертарных решений *неотложному делу* бэйлаутов, сокращения рабочих мест и базработицы никак не может рассматриваться как забегание вперед.

Так надо ли мне говорить, что мое предложение кооперативов имело целью поддержку собственных действий рабочих, поддержку самостоятельного поиска рабочими решений их проблем, вызванных кризисом? Разумеется, я согласен с Кеем, что *«нашу активность следует направить на развитие решимости, силы и боевого духа класса»*. Сопrotивление бэйлаутам и закрытиям производств путем захватов и кооперативов — это как раз **часть** этого проекта.

Кей уделил несколько слов ограниченности кооперативов. *«Капиталом, — говорит он, — нельзя управлять в наших интересах, так что нет смысла и пытаться»*. Однако, как Прудон и Маркс ясно дали понять, кооперативы не являются капиталистическими фирмами:

«Пусть сами рабочие владеют соответствующими средствами производства и обменивают свои товары друг с другом. Эти товары не были бы тогда продуктами капитала». (Маркс, Капитал т.3)

Для рабочих, сталкивающихся с увольнениями, образование кооператива вряд ли означает, что *«классовая борьба, а с ней и потенциал революционных изменений, сорвана»*. Действительно ли он считает, что государство или капитал позволят рабочим захватить свои рабочие места? Я в этом сомневаюсь. Я уже говорил, что Кропоткин предлагал профсоюзный контроль как альтернативу национализации. Но об этом также говорил и Энгельс в 80-ых гг. 19 века: вместо приватизации общественных проектов и государственных земель, он предлагал передать их в собственность кооперативов. Разве Кропоткин и Энгельс выступали за умерщвление рабочего класса как *«потенциально революцион-*

ного класса» и преодоление «классового антагонизма», когда они предлагали кооперативы в качестве альтернативы национализации? Я в этом сомневаюсь.

Кей переходит к следующему пункту: *«требование кооперативов выдвигается как своего рода промежуточное, “реалистичное” требование для неревolutionонного времени»*, хотя *«рабочий контроль в условиях капитализма — это просто самоуправляемая эксплуатация»* и *«замена одной формы отчуждения на другую — пролетарской на мелкобуржуазную»*. Я признаю себя виновным по первому обвинению, однако я должен отметить, что мое предложение было попыткой приблизить революцию посредством агитирования за прямое рабочее действие, другими словами, я не ставлю целью *«рабочий контроль при капитализме»*, но скорее рабочий контроль как шаг вперед на пути к свержению капитализма.

Что касается *«самоуправляемой эксплуатации»*, то тут все напутано. *«Самоуправляемая эксплуатация — это не просто удачный оборот речи»*, утверждает Кей, но я не соглашусь. Он смешивает господство рыночных сил над жизнью рабочих (и это серьезное возражение) с капиталом/наемным трудом и, соответственно, с эксплуатацией (в анархистском или марксистском смысле — экспроприацией прибавочного труда производителями). Кей утверждает, что *«капитал управляет общественной жизнью»* вертикально *«через личность начальника»* и горизонтально *«посредством рыночных сил»*, но надо ли мне указывать, что капитализм — это способ производства, а не способ распределения? Рынки существовали и до капитализма, и самозанятые ремесленные рабочие не эксплуатировались капиталистом.

Кей утверждает, что если его рабочее место превратиться *«в кооператив, то те рыночные силы, что заставили моего босса устроить сокращения, все также бы существовали, но нам бы уже некого было винить, когда нам пришлось бы поднять норму эксплуатации, чтобы выжить во враждебной рыночной среде»*. Неужели? Он и правда уверен, что рабочие будут принимать те же самые решения, что и начальство при тех же обстоятельствах? Если говорить до конца, то этот аргумент будет вторить апологетам капитализма: капиталисты не имеют власти, все определяет рынок. Однако, это не правда — рыночные силы могут повлиять на принятие тех или иных решений, но, в конечном счете, все определяет начальник.

Если бы все не было так, то зачем бы нам тогда нужны были профсоюзы? Мы бы не смогли тогда достичь никаких реформ, если бы капиталисты лишь выполняли требования *«рыночных сил»*! Более того, вопрос *«рыночных сил»* также поднимает и другой вопрос: а не занимаются ли капиталисты *«самоуправляемой эксплуатацией»*, когда **они** принимают решения, которые им не нравятся (например, вместо покупки третьего загородного домика инвестируют средства в свою компанию, чтобы сохранить ее на плаву)? Являются ли инвестиции капиталиста *«эксплуатацией»* капиталиста? Согласно логике Кея — да, являются, что показывает несостоятельность его аргументов.

Кей утверждает, что если *«у фирмы достаточно ресурсов, то мы должны просто требовать конкретные материальные вещи, которые мы хотим»*. Однако мой довод касался прежде всего фирм, находящихся на грани банкротства. Что же, вместо того, чтобы экспроприировать капиталиста, мы должны просто принять увольнение? В общем, я удивлен, что член Solidarity Federation сопротивляется предложениям экспроприации капитала, выступает против призывов к рабочим захватывать свои рабочие места и говорит, что нам не надо никак реагировать, если государство национализирует или вытаскивает из долговой ямы капиталистические предприятия.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что это сопротивление кооперативам является *«не ступенью, а тупиком»*, но не их поддержкой. Я думаю, он смешивает понятия постепенных реформ, завоевываемых посредством кооперативов, с кооперативом как ответом на сокращения (что видно из его слов *«как и национализация, рабочий контроль — это не требование, основанное на наших конкретных материальных потребностях, но на том, как стоит управлять капиталом»*). Возможно, экспроприация рабочих мест в нереволюционной ситуации это и правда плохая затея, но опять же, почему это нереволюционная ситуация? Может, потому что работники не экспроприируют рабочие места?

В общем, мое предложение кооперативов как практической альтернативы для либертариев остается в силе, с тем лишь уточнением, что кооперативы для нас — это в первую очередь одна из форм прямого действия и солидарности. Таким образом, мы должны фокусировать внимание и на кооперативах и на конфликтах в их взаимосвязи, чтобы создать, сначала, революционное рабочее движение и, затем, свергнуть капитализм!

Iain McKay, опубликовано на сайте libcom.org

Joseph K. Кооперативы, конфликты и демагогия

Первые две статьи «Бэйлауты или кооперативы?» и «Кооперативы или конфликты?» были опубликованы в рождественском выпуске 2008 года газеты Freedom, затем последовал ответ Иэна на мою статью — «Кооперативы и конфликты!» Так как мы втягиваемся в самую глубокую рецессию со времен Второй Мировой и уже имеются признаки обострения классового противостояния и подъема реакционных настроений, то сегодня как никогда важно всестороннее обсуждение либертарно-коммунистического ответа на кризис. Соответственно, мой ответ Иэну имеет целью прояснить некоторое его недопонимание или искажение моей позиции и внести конструктивный вклад в эту важную дискуссию. Начнем с заявления Иэна, будто мои доводы противоречивы:

«Во-первых, нужно действительно отметить несколько противоречий в его аргументации. Он заявляет, что мы *«не в состоянии что-либо требовать. Будучи крайним меньшинством класса, наши ‘требования’ — не более чем беспомощные крики»*. Тем не менее, без всякой иронии, он предлагает выдвигать различные *“коммунистические требования”*, с которыми нам следует выступать! Каково это? Мы не в силах что-либо требовать или мы все-таки можем выдвигать требования?»

Здесь нет противоречия, по двум важным причинам. Во-первых, как я ясно сказал об этом в своей статье, я критикую стратегию кооперативов с двух сторон:

«Во-первых, что немаловажно, мы не в состоянии что-либо требовать. (. . .) Вторая проблема находится на более глубоком уровне (. . .) как и национализация, рабочий контроль — это не требование, основанное на наших конкретных материальных нуждах, но на *том, как следует управлять капиталом*».

Я говорю о том, что, как троцкистские требования национализации, так и анархистские требования кооперативов бессильны, так как мы не в состоянии сейчас добиться их. Требования относительно того, как управлять капиталом (посредством государства, посредством ассоциации рабочих кооперативов) бессмысленны без рабочего движения, достаточно сильного, чтобы навязать их. *Но в любом случае*, они не представляли бы собой коммунистические требования, даже если бы мы были в состоянии добиться их.

Во-вторых, даже в отсутствие сильного рабочего движения, предложения о том, что *должны делать рабочие*, не настолько бессильны, как требования

о том, как следует управлять капиталом, так как действующих управленцев капиталом может поколебать только сила, то есть классовая борьба: забастовки, захваты и другие формы прямого действия; наших коллег по работе в принципе также можно убедить силой — силой доказательств, то есть путем пропаганды, продвигающей либертарно-коммунистическую тактику.

Даже если вы считаете кооперативы хорошей идеей, то для начала следует занять соответствующее положение в обществе, чтобы вы могли добиться этого требования. Иэн согласен с тем, что наиважнейшая проблема анархистского ответа на кризис — это развитие силы и решимости класса, — как раз того, на что мы в состоянии повлиять в данный момент (в отличие от управления капиталом). Тем не менее, вопрос требований рабочего класса также необходимо обсуждать, дабы не обрекать себя на поражение с самого начала; поэтому следует повторно рассмотреть мои замечания по поводу стратегии продвижения кооперативов.

Иэн утверждает, что кооперативы являются «*действительной социалистической альтернативой бэйлаутам и национализации в условиях нынешнего кризиса*», (хотя и ясно, что «*да, это не социализм*»). Он пишет:

«Кэй утверждает, что если его рабочее место превратится “в кооператив, то те рыночные силы, что заставили моего босса устроить сокращения, все также бы существовали, но нам бы уже некого было винить, когда нам пришлось бы поднять норму эксплуатации, чтобы выжить во враждебной рыночной среде”. Неужели? Он и правда уверен, что рабочие будут принимать те же самые решения, что и начальство при тех же обстоятельствах?»

Вряд ли Иэн разбирается в ситуации на моем рабочем месте лучше меня, но и без этого я вполне четко говорю о возможности изменений при переходе к кооперативной форме:

«мы могли бы уменьшить сокращения или увеличить зарплату, используя бывший доход директора. Но если фирма имеет ресурсы для этого, а уровень классовой борьбы так высок, что мы можем экспроприировать хозяев и создать кооператив, мы должны просто *требовать конкретные материальные вещи, которые мы хотим* — в данном случае, гарантию занятости и улучшение условий труда, — а не *выдвигать требования касательно того, как следует управлять капиталом*, чтобы удовлетворить наши реальные потребности».

Однако, довод Иэна “*касался прежде всего фирм, которые находятся на грани банкротства*”. Что же мы тогда собираемся захватывать и чем будем самостоятельно управлять? В случае моей фирмы, мы предоставляем в кредит деньги, которые занимаем у крупных банков. Вероятно, у нас не останется другого пути, кроме банкротства, если наши безнадежные долги поднимутся

слишком высоко или мы будем отрезаны от наших источников финансирования. В любом случае, кооператив столкнулся бы с теми же проблемами, что и сегодняшний хозяин, но только имел возможность по-другому ими управлять. То же в принципе верно и для рабочих Woolworths и Zavvi: коллективное банкротство — все еще банкротство [банкротство розничной сети Zavvi было вызвано банкротством сети Woolworth, которая была оптовым поставщиком для Zavvi]. Захваты могут помочь предотвратить продажу администрацией оборудования с целью возврата долгов кредиторам, а не рабочим, и обеспечить увеличение выходных пособий, но они не могут сделать разоряющуюся фирму жизнеспособной. Единственное, что может оживить фирму, — это увеличение неоплачиваемого сверхурочного труда, способного восстановить доходность предприятия; но даже реализация этой непривлекательной перспективы зависит от кредиторов и поставщиков, предоставляющих кредит, и нормальных рабочих условий торговли на рынке, что так же реально для незаконно захваченной фирмы, как и предоставление сквоттерам ипотечного кредита от Barclays.

Утверждения Иэна о том, что *«этот аргумент вторит апологетам капитализма: капиталисты не имеют власти, все определяет рынок»* просто нелепы. Правильное понимание того, как работает капитализм, еще не является его апологетикой (наоборот, утверждение, что самоуправляемые фирмы являются “социалистическими” куда ближе к оправданию капитализма, чем все, что я написал). Капиталисты не вольны в своих решениях, они должны действовать в соответствии с рынком. Они почти наверняка не лгут, когда говорят, что они сожалеют о сокращении кадров и т.п., я уверен, что они бы предпочли нанять больше работников и получить больше прибыли. Конечно, они предпочтут опустить работников на 15 000\$, вместо того, чтобы сократить выплаты себе на 15 000\$, так что да, **в рамках предприятия “все определяет начальник”**.

Но это возвращает нас к предыдущему вопросу: если имеются ресурсы, чтобы сократить число увольнений, в чем же тогда требование передачи капитала работникам более реалистично, чем, скажем, сохранение рабочих мест за счет дохода начальства? Какой предприниматель скорее отдал бы свой капитал, чем принял бы временное сокращение своей зарплаты? Иэн утверждает, что кооперативы являются *«краткосрочным решением для рабочих, сталкивающихся с сокращением штатов, и для тех, чьи работодатели хотят получить бэйлаут»*, но если на повестке дня стоит экспроприация (а без этого никакого кооператива не может быть), то практика простого отстаивания рабочих мест остается далеко позади нее.

Я вовсе не считаю, что было бы плохо, если бы рабочие захватили свое предприятие и начали управлять им как кооперативом (а ля Занон), но я думаю, что это **(а) не то, чего следует ожидать** при имеющемся уровне классовой борьбы и в тяжелых условиях надвигающейся рецессии, **(б) гораздо менее практично и реалистично**, чем требование поднять выходные пособия или

предотвращение сокращений как таковых, и **(с) не то, что либертарные коммунисты должны предлагать в качестве стратегии**, так как кооперативы — это тупиковый путь для такого уровня борьбы, на котором мы способны экспроприировать капитал. Я обо всем этом говорил в исходной статье, и Иэн до сих пор не объяснил, почему кооперативы — это более реалистичный ответ на кризис, чем борьба, противостоящая увольнениям или требующая достойных выходных пособий — той борьбы, которая имеет место в действительности.

Таким образом, проблема не в том, кто, каким образом и насколько демократично управляет капиталом; проблема заключается в самом капитале. Цитирование Маркса не отменяет того факта, что существуют деньги в обращении, возвращающиеся с излишком (Д-Т-Д'); активы кооператива не перестанут быть капиталом, когда люди будут голосовать за то, как их использовать в обществе, основанном на товарном производстве и наемном труде. То есть по-прежнему существует тенденция накопления, а значит и стремление к минимизации рабочего времени для выполнения необходимых задач. Вот почему уместно говорить о самоуправляемой эксплуатации. Иэн не соглашается с этим, поэтому стоит остановиться на этом пункте подробнее, так как этот вопрос касается самой сущности капиталистического социального отношения и нашего сопротивления ему.

«Что касается *“самоуправляемой эксплуатации”*, то тут все напутано. *“Самоуправляемая эксплуатация — это не просто удачный оборот речи”*, утверждает Кэй, но я не соглашусь. Он смешивает господство рыночных сил над жизнями рабочих (и это серьезное возражение) с капиталом/наемным трудом и, соответственно, эксплуатацией (в анархистском или марксистском смысле — экспроприацией прибавочного труда производителями)».

Фирма, действующая в условиях конкурентного рынка — а если она «на грани банкротства», то это по определению так, — должна произвести достаточно прибавочной стоимости, чтобы реинвестировать ее в расширение производства и новые технологии с целью сохранения или улучшения своих позиций на рынке по отношению к конкурентам. То есть фирма, как концентрация капитала, имеет свою собственную логику. Ей необходима подпитка прибавочным живым трудом, иначе она будет слабеть и погибнет. Как мертвый труд, она, словно вампир, высасывает живой труд, и живет тем полнее, чем больше живого труда она поглощает. Именно поэтому это является *«эксплуатацией в анархистском или марксистском смысле»* без *«экспроприации прибавочного труда производителями»*. Незачем излишне персонифицировать социальные отношения — фирма может руководствоваться своей логикой (расширяться или умереть) и без злодея в цилиндре с моноклем, возвышающимся над ней. Такова реальность ведения бизнеса, и она не зависит от того, каким образом управляется этот бизнес: одним тираном, акционерным обществом или коопе-

ративом. Таким образом, когда я писал, что «многие анархисты фокусируют внимание в основном на вертикальном устройстве иерархии на рабочем месте» — я невольно предугадывал одностороннее понимание Иэном капиталистического отношения. Поэтому, когда Иэн пишет . . .

«Кэй утверждает, что “капитал управляет общественной жизнью” вертикально “через личность начальника” и горизонтально “посредством рыночных сил”, действительно ли я должен указывать, что капитализм — это способ производства, а не способ распределения? Рынки существовали и до капитализма и самозанятые ремесленные рабочие не эксплуатировались капиталистом».

. . . он все говорит за меня. В рамках существующего капиталистического способа производства упразднение капиталиста — т.е. индивидуальной персонификации капитала на уровне фирмы — не отменяет эксплуатации труда капиталом, т.е. мертвым трудом, который требует дополнительного труда, чтобы фирма сохранила свое положение в рыночной среде, а ее конкуренты не смогли вырасти и поглотить ее. Таким образом, Иэн сам себя запутывает и повторяет ошибку, о которой я предупреждал, обращаясь к докапиталистическому ремесленному производству, чтобы объяснить, почему кооперативы при капитализме якобы не связаны с эксплуатацией труда. Тот факт, что рынок является главным механизмом, посредством которого осуществляется тенденция к накоплению, не делает это вопросом распределения; при капитализме производство на рынок, то есть само товарное производство, требует этой динамики “расти или умери”.

Иэн прав, что “это анархистская традиция — выдвигать требование кооперативов”, но эта близорукая традиция акцентирования внимания на иерархическом аспекте отношения капитала в ущерб может привести нас в конечном счете к отстаиванию буржуазной свободы рынка против деспотизма производства, который является ее необходимым контрапунктом. Прудону, Кропоткину и другим это, по крайней мере, простительно в силу того, что им было недоступно то богатство знаний об истории движения, что есть у нас сегодня. Как бы Иэн не пытался хитро выстроить армию авторитетов, он не имеет того же оправдания¹. Истошный вопль «пришло время дать экономической свободе шанс!» как раз из этой традиции — традиции мелкобуржуазного социализма

¹ Из всех заблуждений, которые можно было бы ожидать от анархиста, апелляции к авторитетам являются, наверно, самыми нелепыми («как Прудон и Маркс ясно дали понять»). Я признаю важность Прудона, Бакунина, Кропоткина, Маркса, Энгельса, но какое отношение имеют политические стратегии мертвых знаменитостей XX века к сегодняшнему кризису? Об этом нет ни слова, мы просто должны преклониться перед авторитетами: «разве Кропоткин и Энгельс выступали за умерщвление рабочего класса как “потенциально революционного класса” и преодоление “классового антагонизма”, когда они предлагали кооперативы в качестве альтернативы национализации? Я в этом сомневаюсь».

из XIX века, которая была давно дискредитирована как практически, так и теоретически².

Таким образом, разобравшись с более существенными вопросами, я чувствую, что должен обратиться к некоторым довольно нетоварищеским обвинениям и искажениям, которыми Иэн приправил свой ответ. Он спрашивает:

«Он серьезно полагает, что рабочие, сталкивающиеся с закрытием их рабочих мест, должны просто забрать свои документы в отделе кадров и направиться напрямиком на биржу труда? Что задача анархистов — не только **не предлагать** захватов, но и **препятствовать им**? Я удивлен, что член Solidarity Federation сопротивляется предложениям экспроприации капитала и выступает против призывов к рабочим захватывать свои рабочие места».

Это нелепая инсинуация, и неудивительно, что она сделана без приведения какой-либо цитаты из моей статьи, так как я нигде не выступал против захватов рабочими своих рабочих мест или предлагал рабочим *«просто забрать свои документы»*. Если вы сомневаетесь в этом, то просто посмотрите, что я писал в той части, на которую отвечает Иэн:

«нужно выдвигать конкретные материальные требования: **против увольнений**, снижений зарплат, сокращения социальных услуг и выселений»

Я не мог бы выразиться яснее, и Иэн обладает тем преимуществом, что читал мою статью перед ответом, так что действительно ему нет здесь оправдания (как если бы наши исходные статьи писались «вслепую», одновременно). Поэтому я оценил бы, если он откажется от этого обвинения, потому что это усложняет дискуссию, когда ты терпишь необоснованные обвинения за вещи, *противоположные* фактически сказанным. Захват рабочих мест — это как раз то, что я поддерживаю, я лишь говорил о том, что требовать превращения захваты в кооперативы ошибочно.

Идем дальше:

«Возможно, экспроприация рабочих мест в нереволюционной ситуации это и правда плохая затея, но опять же, почему это нереволюционная ситуация? Может, потому что работники не экспроприируют рабочие места?»

К сожалению, это настолько логически верно, насколько предположение, что на улице мороз вызван низкими показаниями термометра. Очевидно, что «революционные ситуации» не *создаются* захватами рабочих мест, но скорее *характеризуются* ими. Революция — признак высокой уровня классовой борьбы,

² На ум приходит разгром Прудона Марксом. («Нищета Философии»)

и поэтому встает вопрос «как мы можем помочь повышению уровня классовой борьбы?» Это намного более насущный вопрос, потому что до тех пор, пока не произойдет этого повышения, любые требования будут лишены смысла. (Я не претендую на то, что повышение уровня классовой борьбы произойдет только через нас, отвечающих на этот вопрос, но этот вопрос должен быть поставлен, так как мы — тоже работники, и нас также будут иметь в течение этого кризиса, и защитить себя мы можем только коллективно).

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, брайтонская ячейка Solidarity Federation недавно выпустила брошюру об анархо-синдикалистской стратегии и организации [Стратегия и борьба: анархо-синдикализм в 21 веке]. Мы выступаем за создание активистских сообществ на территориальной и производственной основе, которые могли бы продвигать практики солидарности, прямого действия и низового контроля среди коллег по работе и всего класса. Мы полагаем, что рабочие, которые согласны с этими принципами, должны взаимодействовать друг с другом и проводить пропаганду, выступающую за массовые собрания на рабочих местах и коллективное прямое действие. Требования, с которыми мы будем выступать, будут конкретными, касающимися наших насущных потребностей (против сокращений зарплат и рабочих мест, за гарантию дохода и занятости, в случае сокращений, неизбежных так или иначе — за увеличение выходного пособия).

Захват рабочего места — это, безусловно, пример коллективного прямого действия. Но поощрять рабочих брать на себя предприятия на грани банкротства в худший кризис со времен Второй Мировой войны — это ошибочная тактика, поскольку, даже если бы удалось восстановить бизнес, то только приложив огромное количество дополнительных усилий — неоплаченного сверхурочного времени и т.п. — то есть того, против чего бы мы протестовали, если бы это проводилось начальством; но если мы будем работать в рамках самозанятых кооперативов, то ничего не сможем с этим поделать. Наконец, следует рассмотреть еще один момент, связанный с двумя высказываниями, неприемлемыми для либертарного коммуниста. Иэн пишет:

«Он серьезно полагает, что мы должны оставаться безразличными, когда общественные (наши!) деньги используются для спасения уродов, втянувших нас в этот кризис?»

Во-первых, идентификация государственных денег с «нашими!» (обязательно с восклицанием!) требует отождествления населения с государством. Государственные фонды, сформированные за счет налогов, не более «наши», чем Бентли моего босса — «моя» машина, потому что налоговые поступления — это принадлежащая государству часть прибавочной стоимости, экспроприированной капиталистическим классом.³ Конечно, налоги более прозрачны, чем

другие формы прибавочной стоимости, но «нашими» они от этого не становятся. Понятие «деньги налогоплательщиков» — это излюбленный риторический прием популистских ораторов — буржуазных идеологов от Джорджа Гэлловэя [член британского парламента от левацкой партии RESPECT] до Дэвида Кэмерона [лидер тори]. Я бы хотел, чтобы анархисты понимали, к чему приводит такое голое отождествление государства и населения.

Во-вторых, это заявление полностью следует господствующей буржуазной идеологии, например, заявлениям премьер-министра, о том, что в кризисе виновны банкиры.⁴ Не то, чтобы не существует жадных или беспечных банкиров, но любой материалистический, коммунистический анализ кризиса должен отвергать популистские поиски козла отпущения и искать подлинные причины кризиса. Без этих «безответственных» кредитов экономика не испытала бы десятилетие устойчивого роста, на котором Браун построил свою репутацию, что еще раз демонстрирует бессмысленность выражения «*банкиры втянули нас в этот кризис*».

В конечном счете, Иэн так и не смог отстоять свое утверждение о том, что кооперативы представляют «действительную **социалистическую** альтернативу бэйлаутам и национализации в рамках нынешнего кризиса, (. . .) практическую альтернативу для либертариев». Вместо этого он искажил мои аргументы и утверждал — несомненно, в преемственности с «анархистской традицией», — что ведение собственного бизнеса является эффективной стратегией в классово-вой борьбе. При этом он высказал несколько предложений, крайне характерных для буржуазной идеологии: что рынок — это свобода, за которую стоит бороться, что государственные средства — это «наши деньги», и что кризис — это ошибка жадных банкиров, а не исход противоречий капиталистического накопления.

Поэтому я утверждаю, что либертарно-коммунистический ответ на кризис — это подъем силы, решимости и самоорганизации класса для выдвижения требования конкретных вещей, которые мы хотим от капитала, а не выдвижение «реалистичных» методов эффективного управления капиталом (то есть кооперативного вместо иерархического); так как капиталом нельзя управлять в наших интересах, то и пытаться не имеет смысла. Стратегия продвижения «кооперативов и конфликтов» будет также соответствовать в XXI веке коммунизму — действительному движению, утверждающему наши потребности

³ Например, подоходный налог никогда не поступает на банковский счет рабочих, и выплачивается непосредственно от нанимателя государству. Повышение подоходного налога било бы по заработной плате так же, как и прямое снижение зарплаты, только касалось бы уже всего общества. И то и то означает увеличение части стоимости, присваиваемой капиталистом, и удар по цене рабочей силы, что, в случае отсутствия сопротивления, привело бы к снижению уровня жизни, то есть воспроизводству рабочей силы по сниженной стоимости.

⁴ Гордон Браун сказал относительно банкиров Сити, что он «зол на их безответственное поведение, (. . .) чрезмерный и безответственный риск должен караться». www.guardian.co.uk

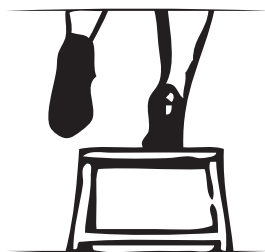
против текущего положения дел — как стратегия «национализации и конфликта» соответствовала ему в XX веке. Мы должны перестать пытаться управлять капиталом и вместо этого начать бороться с ним.

Joseph K, опубликовано на сайте libcom.org

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012



Иэн МакКей и Joseph Kay

Дебаты о кооперативах

2009

Дискуссия между Иэном Маккеем (автор Anarchist FAQ) и Джозефом Кеем (админ libcom.org) о пролетарском ответе на финансовый кризис. За что мы должны выступать: за национализацию, кооперативы или классовую борьбу?

Первые две статьи были опубликованы в одном номере анархистской газеты Freedom, две последние — в интернете.

На английском доступно здесь: **libcom.org**

На русском опубликовано в журнале «Максималист» №3.

Сохранено 4 января 2012г. из **revsoc.org**